

И. Н. Сиземская

Художественная интеллигенция и власть в истории России

В центре внимания автора проблема взаимоотношений власти и художественной интеллигенции, рассмотренная в исторической ретроспективе. Автор обращается к истории отечественной интеллигенции как феномену русской культуры, связывая ее родословную с появлением в стране «служилой интеллигенции» на волне реформ Петра I, ознаменовавших начало русского Просвещения и вхождение России в культурное западноевропейское пространство. Автор показывает, что результатом совместных усилий власти и интеллигенции явилась русская дворянская культура, субъектом которой стала отечественная художественная интеллигенция, которая в постоянном противостоянии власти отстаивала право личности на свободное волеизъявление и духовное (интеллектуальное и художественное) творчество. Одновременно с эпохи Петра I начинает действовать жесткий диктат со стороны власти на свободу самовыражения в духовном творчестве в форме государственного института цензуры, со временем поставленного на службу органов, каравших за свободомыслие. Отдельно в статье рассматривается проблема взаимоотношений политики и культуры, власти и художественной интеллигенции в условиях советского тоталитарного государства и навязанных идеологической конъюнктурой стандартов и норм творчества, в рамках которой всегда остаются несовпадающими понятия «идеологически выдержанная» и «талантливая книга». Заменявшая идеологическую конъюнктуру рыночная конъюнктура «спроса и предложения», по мнению автора, тоже не решает проблему развития в рамках культуры гуманистических смыслов и ценностей.

Ключевые слова: культура, политика, власть, художественная интеллигенция, свободное творчество, русское Просвещение, поэзия, литература, цензура, тоталитаризм, идеологическая конъюнктура, рыночная конъюнктура.

I. N. Sizemskaya

Artistic Intelligentsia and Power in History of Russia

The author focuses on the problem of relations between the authorities and the artistic intelligentsia considered in the historical perspective. Sizemskaya refers to the history of Russian intelligentsia as a phenomenon of Russian culture, linking its ancestry with the emergence of the country's «servile intellectuals» in the wake of the reforms of Peter I, marked the beginning of Russian education and Russian entry into the West European cultural space. The author shows that the result of joint efforts of the government and the intelligentsia was domestic aristocratic culture, which was the subject of domestic artistic intelligentsia, which is in constant opposition to the authorities defended the individual's right to free expression and spiritual (intellectual and artistic) creativity. At the same time the era of Peter I begins, hard dictate of the authorities acts on freedom of expression in the spiritual creativity in the form of a public institution of censorship, eventually the service of enforcement was set, punishing for freethinking. Separately, in the article is regarded the problem of the relationship between politics and culture, power and artistic intelligentsia under the Soviet totalitarian state, and ideological conditions imposed by society standards and norms of creativity, in which concepts «ideologically sustained» and «talented book» are always mismatched. The market environment of «demand and supply» which replaced ideological environment, according to the author, does not solve the problem of development within culture of humanistic meanings and values.

Keywords: culture, politics, power, artistic intelligentsia, free creativity, Russian education, poetry, literature, censorship, totalitarianism, ideological environment, market environment.

Одной из центральных тем отечественной общественной мысли является проблема «политики и культуры», смысловое содержание которой сопрягается с проблемой «художественной интеллигенции и власти». Философская рефлексия по ее поводу уходит в середину XIX в., а если говорить о сегодняшних днях, то следует признать, что она является одной из самых обсуждаемых специалистами разного профиля – философами, социологами, политологами, культурологами, психологами. И это при том, что у многих вызывает сомнение факт наличия в стране интеллигенции в том ее социальном статусе, в каком она существовала в XIX в. Постоянный и

актуальный интерес к проблеме имеет свое объяснение – он связан с исторической ситуацией, вызвавшей появление в России особого образованного класса со специфическими для него формами и институтами связи с государственными структурами и властью. Ниже предлагается рассмотреть проблему в исторической ретроспективе.

Родословная русской интеллигенции, по общему признанию, восходит к эпохе Петра I, потребовавшей для реализации реформ социального слоя, способного соединять государственную службу с интеллектуальным и духовно-культурным творчеством. У истоков его появле-

ния стояли вошедшие в историю отечественной культуры *В. Н. Татищев*, основоположник русской исторической науки, автор сохранившей и сегодня научную ценность «Истории Российской» и одновременно бывший начальником Монетной Конторы и Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов; *А. Д. Кантемир*, писатель, публицист-просветитель, служивший полномочным министром в Париже, имевший придворный чин камергера и тайного советника; *М. М. Щербатов*, автор 18-томной «Истории Российской от древнейших времен», президент Камер-коллегии, сенатор, лидер дворянской партии в работе Комиссии для составления екатерининского Уложения; *С. Е. Десницкий*, «отец русской юриспруденции» и государственный деятель; *Д. А. Голицын*, экономист, член ряда иностранных академий, служивший много лет послом во Франции и Нидерландах; *Г. Р. Державин*, поэт, губернатор и почетный член Сената; *Н. М. Карамзин*, автор 12-томной «Истории государства Российского», официальный историограф Российского государства. По образному замечанию Г. П. Федотова, Петр оставил после себя три линии преемников: 1) проходимцев и авантюристов, «выплеснутых» волной его преобразований, 2) государственных людей – строителей империи и 3) просветителей-западников от Ломоносова до Пушкина [6]. Опустим первую линию преемников и оставим следующие две: 1) новые представители власти, опирающиеся в своей практике по возможности на европейские смыслы и нормы культуры и 2) субъекты культуры, покоящейся на идеалах европейского Просвещения. Думаю, к этим двум категориям следует добавить еще один социальный тип – диссидентов и тираноборцев. Яркий пример последних – князь Курбский, оставивший след в отечественной культуре своей перепиской с Иваном Грозным, и Н. А. Радищев, по оценке Екатерины Великой, «бунтовщик, хуже Пугачева», за что был приговорен ею к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь, и позже совершил самоубийство.

Результатом совместных усилий Петра и нового образованного слоя стала отечественная дворянская культура, *соравная* европейской, давшая М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, А. С. Пушкина, органично включившая «западность» и «русскость» и вернувшая, по выражению В. Вейдле, Европу России, а Европе – обновлен-

ную Россию. Эта культура несла в себе открытость и отзывчивость новому, способность увидеть по-своему то, что уже было видено другими и что ранее не виделось никем. Взаимоотношения отечественной интеллигенции и власти с самого начала не были простыми, а порой принимали формы, совсем несовместимые с идеями Просвещения. Достаточно вспомнить разгром по приказу императрицы Екатерины II типографии Н. И. Новикова (1744–1818), из которой вышло более 1000 наименований книг, в том числе переводы Руссо, Вольтера, Монтескье, Шекспира, сожжение по ее же приказу 20 000 тысяч книг его издательства и заточение самого Новикова, научившего и приучившего Россию читать, в самую мрачную крепость страны. Можно вспомнить и трагическую судьбу П. Я. Чаадаева (1794–1866), объявленного властью после публикации им Первого философического письма сумасшедшим и вынужденного дать подписку, «ничего более не писать», и расправу над цветом российского дворянства – декабристами. И тем не менее, следует признать, что главный итог *совместных усилий власти и интеллигенции* был, бесспорно, позитивным: Россия, встав на путь европейского развития, признала *своими* ценности европейской культуры.

Изначально в совместных действиях власти и «служилой интеллигенции» диктат оставался за властью, что нашло выражение в установлении жесткого узаконенного контроля с ее стороны не только над деятельностью (что можно считать в определенной мере оправданным), но и над ее мыслями, идейными взглядами. Формой такого контроля стал созданный в 1721 г. Петром I аппарат Цензуры – так называемый «Духовный коллегийум» (переименованный позже в «Святейший Синод»), в который входили три архиерея и семь «светских представителей». (Окончательное разделение цензурных функций произошло при императрице Елизавете Петровне, утвердившей за Святейшим Синодом апробацию церковных книг, за Сенатом – гражданских изданий с привлечением Императорской академии.) Это сыграло неоднозначную роль в развитии отечественной культуры. С одной стороны, образование Коллегийума положило конец монополии церкви в печатном деле, с другой – оставляло за властью абсолютное право по своему усмотрению осуществлять контроль над последним. Фигура главного цензора даже не обсуждалась – сначала им был Петр I, державший под личным «присмотром» все печатное дело в стране, по-

том – все следующие самодержцы, Николай I даже объявил себя личным цензором Пушкина. В начале XIX в. работа цензора обрела статус государственной службы. Ее печальный многолетний опыт доказал, что «нельзя чересчур долго и безусловно стеснять и угнетать умы без значительного ущерба для всего общественного организма» [5], что при всех исторических обстоятельствах и формах власти это является ограничением, продиктованным политическими интересами *правлящей элиты*, но главное – является нарушением права человека на свободу мысли. Опыт цензурного контроля показал, что и власть не может безнаказанно для своего существования придерживаться политики таких ограничений – вокруг нее образуется, по выражению Ф. Тютчева, «огромная умственная пустота». К сожалению, российская власть, строя свои отношения с интеллигенцией, часто доводила контроль над ее мыслями до недопустимого предела. Именно так произошло в условиях советского тоталитаризма, давшего жизнь специфическому механизму контроля – *идеологической конъюнктуре*. Последняя покоилась на карательном аппарате, имевшем в своем арсенале средства физического насилия над субъектом духовного творчества вплоть до лишения жизни за неудобные власти мысли, а следствием – не менее ужасающий феномен: армию *функционеров от культуры*. Следствием тотального контроля над умами всегда являются, с одной стороны, утрата субъектами культурного процесса готовности безбоязненного самовыражения, с другой – появление феномена «литературной подцензуры» (Шкловский).

Таким образом, уже в силу своего исторического происхождения и предзаданных им социальных функций отечественная художественная интеллигенция добровольно приняла статус «служилой интеллигенции» и была активно включена во все сферы жизни российского общества, а потому тесно связана с властью – когда принимая, а когда отвергая осуществляемые ею преобразования, когда с верой в праведность совместных действий, а когда усомнившись в них. Одновременно неприятие действительности (таковой были крепостничество, поголовная неграмотность, политическое ретроградство самодержавия), критическое отношение к ней определили *константу* ее самосознания. Поэтому на всем историческом бытии российской интеллигенции лежит отпечаток раздвоенности, «*двойного сознания*». В. Кормер, заимствовавший термин у Дж. Оруэлла, дает такое определение этого феномена: «Двойное созна-

ние – это такое состояние разума, для которого принципом становится двойственный, взаимопротиворечивый, сочетающий взаимоисключающие начала этос, (...) опровергающая самое себя система оценок текущих событий, истории, социума. Здесь мы имеем дело с дуализмом, но редкого типа. Здесь не дуализм субъекта и объекта, но дуализм самого познающего субъекта, раздвоен сам субъект, его этос» [2]. Можно сказать, что российская интеллигенция своим происхождением была *обречена* на извечные колебания между двумя рядами ценностей – как исповедуемых властью, так и далеких от политики, уходящих в культуру.

Эта обреченность со временем приняла форму «интеллигентского противогосударственного отщепенства» (Струве), при котором отношения с властью строились под знаком взаимного *притяжения-отталкивания*: власть, нуждавшаяся в поддержке, старалась ее ангажировать, не упуская возможности держать «на коротком поводке», а интеллигенция, соглашаясь с властью, всегда была готова к оппозиции. Сохраняя во многом заключенное в термине содержание (знание, понимание), понятие интеллигенции обрело особый смысл. Его образно выразил Д.С. Мережковский: «Сила русской интеллигенции – не в *intellectus*'е, то есть не в уме, а в сердце и совести». Эта черта стала ее *генетическим кодом*, отличая от европейского интеллектуала. Возможно, именно поэтому русская культура всегда несла в себе огромный нравственный заряд. Но, узурпировав таким образом функцию церкви и государства, она фактически превращала себя в «учебник жизни». Этому, заметим, в немалой степени способствовала отечественная литературная критика, предъявлявшая порой к художественному творчеству требования, менее всего связанные с эстетическими критериями.

Благодаря названным особенностям взаимодействия интеллигенции с властью в общественном сознании утвердилось отношение к ней как к *субъекту инновационных социальных действий*. Сложилось признание, что интеллигенция – это часть общества, противостоящая по направленности своих устремлений действиям власти, сдерживающим гражданские свободы и свободное развитие личности. Проблема «Культура и власть» будет всегда рассматриваться и восприниматься в модусе их взаимного «притяжения-отталкивания».

Отмеченная Мережковским черта интеллигентского сознания в наибольшей степени была свойственна художественной интеллигенции, а в

ее среде – поэтам и писателям, что вполне объяснимо. Во-первых, поэзия и литература более чем другие виды художественного творчества обладая силой эмоционального воздействия, наполнены философскими, мировоззренческими смыслами и уже поэтому непосредственно включены в «силовое поле» власти. Во-вторых, в России поэт и писатель всегда были глашатаями и защитниками гуманистических идей – даже тогда, когда дистанцировались от «земного». В силу этого при всех исторических ситуациях и выбранных векторах художественного творчества константой последнего был диалог со временем, с историей. Эта особенность постоянно актуализировала проблему отношения культуры с властью.

Октябрь 1917 г. и последовавшие после него политические перемены в стране наполнили эти отношения драматическим содержанием, отразившим происшедшие изменения не только в политической позиции власти к художественной интеллигенции, но и в самой интеллигенции как субъекте культуры. Новое время рождало новый социальный статус интеллигенции – *оправдывать* осуществляемую властью политику во всех сферах общественной жизни. Культура непосредственно включалась в орбиту деятельности правящей партии. При этом новая власть, не скрывая своих антипатий к старой интеллигенции, ущемляла ее в жизненно важном для нее праве на свободное художественное творчество, вплоть до лишения жизни не согласных с ее действиями и идеологическими установками. Достаточно вспомнить расстрелянного без суда Гумилева, погибших в сталинских лагерях Мандельштама, Бабеля, Пильняка, жизненные мытарства Волошина, покончивших с жизнью Маяковского, Есенина, Цветаеву и еще многих других, чье творчество на долгие годы оказалось под запретом. Надо сказать, что художественная интеллигенция сразу увидела порочность наступающего времени и главную причину той пропасти, которая отделяла его от культуры прошлого века. Первым о трагизме возникшей исторической ситуации заявил Мандельштам, еще в 1921 г. сказавший: «Нельзя дышать и твердь кишит червями / И ни одна звезда не говорит». В его поэзии появится образ «человеческих губ, которым нечего сказать», образ «века-зверя». Проблема отношения человека с властью, с утверждавшимся новым политическим порядком станет для поэта центральной темой еще тогда, когда облик новой власти и вся основанная на ней социальная конструкция (архитектура) еще лишь угадывались.

Проблема осмысливалась Мандельштамом средствами не только поэзии, но и прозы, обратившись к которой он дал ее философский анализ. В 1923 г. он публикует статью «Гуманизм и современность», предупреждая об опасности, какую представляет для культуры тоталитаризм как тип политической организации общества¹.

«Социальная архитектура измеряется масштабом человека, – писал поэт. – Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его уничтожением и ничтожеством. Но есть другая социальная архитектура, ее масштабом, ее мерой тоже является человек, но она строит не из человека, а для человека, не на ничтоестве личности строит она свое величие, а на высшей целесообразности в соответствии с ее потребностями» [3]. Рождавшийся из хаоса Гражданской войны советский политический порядок и основанная на нем социальная система воспринимались Мандельштамом как *строящиеся не для человека, а из человека*. С такой системой у поэта не могло быть диалога. Но признавая, что власть может *изъять* «из употребления» ценности гуманизма, он был уверен, что она не в силах их *уничтожить*, поскольку они являются достоянием всего человечества. Со временем «прекрасные флорины гуманистического наследства» вернутся в обращение, правда, для России это время, по оценке Мандельштама, наступит еще не скоро. В 1931 г. он подтвердит свою оценку случившегося:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

17–25 марта 1931 г.

Беспощадным обличением новой системы станет и статья-исповедь «Четвертая проза» (1930) [4], в которой, как и в «Гуманизме и современности», поэт даст характеристику своему времени, поставив ему такой диагноз: «*нравственная деградация*». Статья-исповедь была своеобразным зеркалом жизни новой интеллигенции и ее отношений с властью и, что особенно ужасало, ее участия в акциях против нее самой. (В 1937 г. Альманах «Литературный Воронеж» причислит поэта к «банде троцкистов», распространяющей вокруг себя «дух маразма и аполитичности».) И это было еще горше, чем

деспотия власти. Если подлинно гуманистические ценности и смыслы не лягут в основу грядущей системы, убеждал поэт, политики раздавят человека, «как Ассирия и Вавилон». Жизнь в новых условиях была настолько трудна, что порой приходила мысль: «Я должен жить, дыша и большевая». Но «большеветь» не у всех получалось и потому одни выбирали молчание, другие – не говорить всей правды, считая ее бессмысленной. Силу в противостоянии существующей власти, отнимающей *ощущение личной значимости*, давала *внутренняя свобода*. Но и она часто не могла защитить от щемящего чувства бессилия:

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найдут мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Мандельштам, 1930

Требовалось много мужества и духовных сил, чтобы жить в постоянном противостоянии власти, сводившей счеты с «несогласными» самыми чудовищными средствами. «Тропинкой над пропастью» назовет Ахматова свою жизнь с 1925 по 1939 год. Иногда ей смерть казалась избавлением, и тогда рождались стихи-мольба, равные которым трудно найти в мировой литературе:

Ты все равно придешь. Зачем же не теперь?
Я жду тебя. Мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.

Ахматова. «Реквием»

Со временем поэтесса научится *протестовать молчанием* – и когда будет замучен Мандельштам, и когда повесится Цветаева, и когда в 1946 г. ее поэзию с высокой партийной трибуны назовут «поэзией взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной». Но ее молчание будет иметь не меньшую силу, чем сказанное Слово, и потому что, принимая новую беду и муку, она никогда *не склонится*, и потому что Молчание поэта по силе эмоционального воздействия – это тоже Слово. В. В. Вейдле в своем Очерке о поэзии Анны Ахматовой скажет: «Не скоро наступит для русской поэзии время, сравнимое с тем, концом которого можно считать похороны Блока, а вторым, самым уж окончательным, концом – погребение Ахматовой» [1]. Время скорректировало суждение Вейдле: будут

еще Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, И. Бродский, правда, это будет уже иное время: отношения поэта с властью немного изменятся – за стихи больше не будут лишать жизни. Но карательный аппарат цензуры, немного расшатанный «оттепелью» 1953–1968 гг., останется: теперь никого не расстреливали, но неугодных власти и не печатали. Это была эпоха, как скажет Довлатов, манипулирования на грани дозволенной правды и в рамках не столько смягчившейся, сколько растерявшейся и одряхлевшей цензуры. Именно в это время судили И. Бродского за тунеядство и выслали его в Архангельскую область, исключили из Союза писателей Лидию Чуковскую, отстранили от редакторской работы Твардовского, запретили издание произведений Е. Гинзбург, Ю. Домбровского, В. Шаламова, В. Гроссмана, Д. Довлатова. Но в это же время появились и захлестнули всех «Самиздат» и «Тамиздат», за публикацию на страницах которых (и чтение изданных в них произведений) наказывали увольнением с работы, насильственной высылкой за рубеж, политической обструкции. Теперь чаще всего не страх оказаться за тюремной решеткой, а желание жить спокойно и благополучно останавливали на грани дозволенного в противостоянии власти. И это имело не менее трагичные для культуры последствия – происходило то, что Солженицын назвал «тотальной демобилизацией морали».

Но и это время прошло. Сегодня нет цензуры на печатные издания в той форме, в какой она существовала ранее. Идеологическая конъюнктура уступила место конъюнктуре рынка и спроса. Можно ли считать ситуацию нормализовавшейся, если иметь в виду судьбу культуры? Многолетний европейский опыт конъюнктуры рынка свидетельствует, что она, расширяя границы свободного творчества, может быть благосклонна к разным, в том числе не отвечающим высоким нравственным и эстетическим критериям, произведениям – был бы на них спрос. Значит, дело не только в цензуре, контролируемой властью, тогда в чем? Видимо, в читателе, в его «личных качествах», поскольку именно он в конечном итоге определяет спрос и предложение на прекрасное и художественное. В этом, наверное, и состоит суть проблемы на все времена. Но это другой аспект и предмет обсуждения темы художественной интеллигенции и власти.

Библиографический список

1. Вейдле, В. В. Умирание искусства [Текст] / В. В. Вейдле ; состав. и автор предисловия В. М. Толмачев. – М., 2001. – С. 292.
2. Кормер, В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура [Текст] / В. Кормер. – М., 1997. – С. 226.
3. Мандельштам, О. Э. Гуманизм и современность [Текст] / О. Э. Мандельштам // Мандельштам О. Соч. : в 2-х т. – Т. 1. Проза, переводы. – М., 1990. – С. 205.
4. Мандельштам, О. Э. Четвертая проза [Текст] / О. Э. Мандельштам // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. – Т. 1. Проза, переводы. – М., 1990.
5. Тютчев, Ф. И. Письмо о цензуре в России [Текст] / Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Россия и Запад. – М., 2007. – С. 97.
6. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции [Текст] / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 418.

Bibliograficheski spisok

1. Vejdle, V. V. Umiranje iskusstva [Tekst] / V. V. Vejdle ; sostav. i avtor predislovija V. M. Tolmachev. – M., 2001. – S. 292.
2. Kormer, V. Dvojnoe soznanie intelligencii i psevdokul'tura [Tekst] / V. Kormer. – M., 1997. – S. 226.
3. Mandel'shtam, O. Je. Gumanizm i sovremennost' [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam // Mandel'shtam O. Soch. : v 2-h t. – T. 1. Proza, perevody. – M., 1990. – S. 205.
4. Mandel'shtam, O. Je. Chetvertaja proza [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam // Mandel'shtam O. Soch. : v 2 t. – T. 1. Proza, perevody. – M., 1990.
5. Tjutchev, F. I. Pis'mo o cenzure v Rossii [Tekst] / F. I. Tjutchev // Tjutchev F. I. Rossija i Zapad. – M., 2007. – S. 97.
6. Fedotov, G. P. Tragedija intelligencii [Tekst] / G. P. Fedotov // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofy russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja. – M., 1990. – S. 418.

¹ Статья была напечатана в Берлине в 1923 году в «Литературном приложении» (№ 36) газеты «Накануне».